

ПОНЯТИЕ КОНВЕНЦИИ ДЭВИДА ЛЬЮИСА И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ

А.Е. Сериков

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самара, Россия)

Для цитирования: Сериков А.Е. Понятие конвенции Дэвида Льюиса и его современная рецепция. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2023;23(3):43-48. doi: 10.55531/2072-2354.2023.23.3.43-48

■ Сведения об авторе

Сериков А.Е. – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии. ORCID: 0000-0002-4213-8089 E-mail: aeserikov@mail.ru

Рукопись получена: 23.01.2023

Рецензия получена: 09.05.2023

Решение о публикации: 20.05.2023

■ Аннотация

Цель – уточнение понятия конвенции и ассоциированных с ним философских идей, предложенных в работах Д. Льюиса и его современных критиков, а также анализ возможности применения этих идей в рамках исследования имплицитных правил человеческого поведения.

Материал и методы. Проанализированы работы Д. Льюиса «Конвенция: философское исследование», «Языки и язык», а также работы современных авторов, критически отталкивающихся в своих исследованиях от понятия конвенции Льюиса: Р.Г. Милликэн, В. Захника, М. Матчака, И.Ф. Десятко, Б. Скирмса, Б. Челано и др.

Результаты. Одна из основных проблем с пониманием повседневного поведения и речи как основанных на конвенции по Льюису – это проблема определения регулярностей поведения. Льюис полагает, что конвенции возникают на основе предпочтений некоторых людей, основанных на знании того, что другие понимают язык и мир в целом так же, как и они. Но если каждый носитель языка, употребляя его, имеет в виду некое собственное уникальное значение, это не мешает возникновению иллюзии понимания, которая в некотором смысле приводит к истинному пониманию. Так же и в поведении: не очень важно, как понимают правила поведения различные участники взаимодействия, потому что какой-то результат все равно будет достигнут и все будет выглядеть так, как если бы участники заранее предполагали, по каким правилам действуют они сами и их партнеры.

Выводы. Идею конвенциональности можно использовать для объяснения грамматики поведения, если дополнить ее пониманием того, что реальные естественные знаки всегда «плохо определены». Реалистичная теория конвенций должна предполагать, что у представителей популяции, в которой поддерживается конвенция, сигнальные системы, языки, представления о возможных ситуациях и вариантах поведения совпадают лишь частично, что не препятствует ни коммуникации, ни другому скоординированному поведению.

- **Ключевые слова:** конвенция, Дэвид Льюис, норма, имплицитное правило, грамматика поведения.
- **Конфликт интересов:** не заявлен.

DAVID LEWIS'S CONVENTION AND ITS CONTEMPORARY PERCEPTION

Andrei E. Serikov

Samara University (Samara, Russia)

Citation: Serikov AE. David Lewis's convention and its contemporary perception. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 2023;23(3):43-48. doi: 10.55531/2072-2354.2023.23.3.43-48

■ Information about author

Andrei E. Serikov – PhD, Associate professor of the Department of Philosophy. ORCID: 0000-0002-4213-8089 E-mail: aeserikov@mail.ru

Received: 23.01.2023

Revision Received: 09.05.2023

Accepted: 20.05.2023

■ Abstract

Aim – to clarify the concept of social convention and the philosophical ideas associated with it as proposed by David Lewis and his contemporary critics, as well as to analyze the applicability of these ideas to the study of implicit rules of human behavior.

Material and methods. We analyzed the works of D. Lewis "Convention: A Philosophical Study", "Languages and Language", as well as the works of contemporary authors who critically start from the concept of convention by Lewis in their research: R.G. Millikan, V. Zachnik, M. Matczak, I.F. Deviatko, B. Skyrms, B. Celano and others.

Results. One of the main problems with understanding everyday behavior and speech as based on social convention by Lewis is the problem of determining the regularities of behavior. Lewis believes that conventions emerge from the preferences of some people based on the knowledge that others understand language and the world in general in the same way they do. But if each native speaker has in mind some own unique meaning, this does not prevent the appearance of an illusion of understanding, which in a sense leads to true understanding. It is the same for behavior: it is not very important how different participants of the interaction understand the rules of behavior, some result will still take place and everything will look as if the participants have assumed in advance according to what rules they themselves and their partners are going to act.

Conclusion. The idea of conventionality can be used to explain the grammar of behavior, if supplemented with the understanding that real natural signs are always "ill defined". A realistic theory of conventions should assume that signaling systems, languages, ideas about possible situations and behaviors coincide only partially among representatives of the population in which the convention is maintained, which does not prevent either communication or other coordinated behavior.

- **Keywords:** convention, David Lewis, norm, implicit rule, grammar of behavior.
- **Conflict of interest:** *nothing to disclose.*

ВВЕДЕНИЕ

Один из распространенных подходов к изучению мышления, языка и поведения человека состоит в том, чтобы понять лежащие в их основе закономерности как *конвенции*. При этом современные философы, лингвисты и социальные теоретики довольно часто отталкиваются в своих дискуссиях от понятия конвенции, предложенного Дэвидом Льюисом в книге «Конвенция: философское исследование» (1969) [1]. Очевидно, это свидетельствует о том, что идеи Льюиса до сих пор не исчерпали свой эвристический потенциал. Однако в современной литературе они интерпретируются далеко не однозначно. Поэтому, для того чтобы продуктивно использовать эти идеи в дальнейших исследованиях, их следует уточнить.

ЦЕЛЬ

Уточнение понятия конвенции и ассоциированных с ним философских идей, предложенных в работах Льюиса и его современных критиков, а также анализ возможности применения этих идей в рамках исследования имплицитных правил человеческого поведения (грамматики поведения) [2].

ПОНЯТИЕ КОНВЕНЦИИ В РАБОТАХ ДЭВИДА ЛЬЮИСА

Упомянутая книга Льюиса вышла с предисловием Уилларда Куайна, считавшего, что если конвенция предполагает явную договоренность, то языковые конвенции – это миф. В этом контексте одна из важнейших задач Льюиса заключалась в том, чтобы показать, что конвенции вообще и языковые конвенции в частности могут быть неявными. В своем анализе Льюис опирается на понятие игр координации Томаса Шеллинга, рассмотренное в книге «Стратегия конфликта» (1960) [3]. Простейший пример *проблемы координации*, приводимый Льюисом, – свидание двух человек, не договорившихся заранее о месте встречи: каждый знает несколько вариантов, куда можно было бы пойти, однако, чтобы встретиться, они должны выбрать один и тот же вариант. *Координационное равновесие* – это вариант, который предпочитается всеми участниками игры, и, если таких вариантов несколько, один из них может стать конвенциональным. Конвенция существует там, где форма поведения не является единственно возможной и могла бы быть иной, но поддерживается как общепринятый вариант решения проблемы координации. При этом явное соглашение не требуется, оно может быть основано на имплицитном знании о предпочтениях большинства и имплицитном ожидании того, какой вариант поведения будет выбран в большинстве случаев. В основе существования конвенций лежат общие интересы тех, кто эти конвенции соблюдает.

Льюис дает следующее формальное определение конвенции: «Регулярность R в поведении членов популяции P, являющихся агентами в повторяющейся ситуации S, – это конвенция, если и только если истинно, и является общим знанием в P, что почти в каждом отдельном случае S между членами P:

(1) почти каждый соответствует (conforms to) R;

(2) почти каждый ожидает, что почти все остальные будут соответствовать R;

(3) почти каждый имеет примерно одинаковые предпочтения относительно всех возможных комбинаций действий;

(4) почти каждый предпочитает, чтобы каждый другой соответствовал R, при условии, что почти все соответствуют R;

(5) почти каждый предпочел бы, чтобы каждый другой соответствовал R', при условии, что почти все соответствуют R',

где R' – это некоторая возможная регулярная повторяемость в поведении членов популяции P в S, такая, что почти никто почти ни в одном из случаев S между членами P не смог бы одновременно соответствовать R' и R» [1:78].

После обсуждения общего понятия конвенции Льюис рассматривает вопрос о конвенциональности *сигнальных систем*. Конвенция о сигналах – это один из вариантов решения сигнальной проблемы, т.е. проблемы координации, связанной с выбором знаковой системы коммуникатора, с одной стороны, и знаковой системы аудитории – с другой. Сигнальная система – это комбинация знаковых систем коммуникатора и аудитории, которая обеспечивает предпочитаемую зависимость поведения аудитории от ситуаций, наблюдаемых коммуникатором. Это частный случай конвенции вообще, а языковая конвенция – это конвенция о вербальных сигналах.

Эрик Стэниус в статье «Наклонение и языковая игра» (1967) предполагает, что использование языка происходит в соответствии с правилами, определяющими условия истинности радикальной основы предложений (предложения без индикаторов наклонения), и правилами, предписывающими каждому наклонению соответствующий ему вид правдивости [4]. Опираясь на эту идею, Льюис в своей книге интерпретирует правила истинности как неявную конвенцию, молчаливо предполагающую правдивость говорящих на данном языке.

В более поздней статье «Языки и язык» (1975) Льюис дополняет свое понимание языковой конвенции тем, что она основана не только на молчаливом предположении большинства носителей языка о правдивости говорящего, но и на предположении о доверии слушателя. Согласно Льюису, быть *правдивым* (truthful) в £ – значит вести себя определенным способом: пытаться никогда не произносить предложения в £, которые не являются истинными в £. Быть *доверяющим* (trusting) в £ – значит формировать свои убеждения определенным способом: приписывать правдивость в £ другим и, таким образом, иметь тенденцию реагировать на произнесение кем-либо любого предложения в £, веря, что произнесенное предложение истинно в £. Льюису нужно было изменить первоначальное общее определение конвенции так, чтобы оно согласовывалось с этим новым пониманием языковой конвенции как конвенции правдивости и доверия. Для этого основную (3) часть определения нужно было сформулировать не в терминах *предпочтений* конформного поведения, а в терминах практических или эпистемических *оснований* (reasons) конформности. Кроме того, Льюис пишет, что прежде

требование одинаковых предпочтений относительно *всех* возможных комбинаций действий было чрезмерно строгим (unduly restrictive). В итоге Льюис уточняет определение конвенции следующим образом:

«Регулярность R в действии, или в действии и убеждении – это конвенция в популяции P, если и только если в P выполняются следующие шесть условий (или, по крайней мере, почти выполняются: несколько исключений для «каждого» можно допустить).

(1) Каждый соответствует R.

(2) Каждый убежден, что другие соответствуют R.

(3) Это убеждение в том, что другие соответствуют R, дает каждому хорошее и решающее основание самому соответствовать R. <...>

(4) Существует скорее общее предпочтение общего соответствия R, а не предпочтение чуть-менее-общего (slightly-less-than-general) соответствия, в частности, соответствия всех, кроме одного. <...>

(5) R – не единственная возможная регулярность, удовлетворяющая последним двум условиям. Существует по крайней мере одна альтернатива R', такая, что убеждение в том, что другие соответствуют R', дало бы каждому хорошее и решающее практическое или эпистемическое основание также соответствовать R'; такая, что существует общее предпочтение общего соответствия R', а не чуть-менее-общего соответствия R'; и такая, что обычно нет способа соответствовать одновременно R и R'. Таким образом, альтернатива R' могла бы поддерживаться как конвенция вместо R; это условие обеспечивает характерную для конвенций произвольность.

(6) Наконец, различные факты, перечисленные в условиях (1) – (5), являются предметом общего (или взаимного) знания: они известны всем, всем известно, что они известны всем, и т.д. Упомянутое здесь знание может быть просто потенциальным: таким, которое было бы доступно, если бы кто-то потрудился хорошо подумать. Каждый должен потенциально знать, что выполняются (1) – (5); потенциально знать, что другие потенциально знают это; и т.д. Это условие обеспечивает стабильность. Если кто-то попытается воспроизвести чужое рассуждение, возможно, включая воспроизведение другим его собственного рассуждения, ... результат подкрепит, а не разрушит его ожидание соответствия R. Возможно, негативная версия (6) также подойдет: никто не сомневается в том, что (1) – (5) выполняются, никто не верит в то, что другие не верят в это, и т.д.» [5:5-6].

ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ ДЭВИДА ЛЬЮИСА СОВРЕМЕННЫМИ АВТОРАМИ

С одной стороны, анализ Льюисом понятия конвенции был настолько глубоким, что его модели и определения, пусть и в модифицированном виде, лежат в основании очень многих современных исследований. С другой стороны, как написала еще в 1998 году Рут Гаррет Милликэн, «на протяжении многих лет почти ни один пункт анализа Льюиса не выдержал шквала контрпримеров» [6:161]. Милликэн предлагает более простое, чем у Льюиса, понятие *естественной конвенциональности*, не требующее ни решения проблемы координации, ни постоянного соответствия

регулярности, ни рациональности. Естественная конвенция определяется двумя признаками: (1) воспроизводством некоторых паттернов, которые (2) распространяются в основном за счет наличия прецедентов, а не в силу некоторого функционального превосходства [6:162]. Конвенция по Милликэн отличается от конвенции в понимании Льюиса тем, что (1) нет группы, в которой поведение универсально или почти универсально соответствует конвенциональным паттернам; (2) следование данным паттернам совсем не обязательно решает координационную проблему; (3) соблюдение конвенции не является предписанным или обязательным ни в каком из смыслов. Некоторые формы поведения, такие как правостороннее движение, решают проблемы координации, почти универсально соблюдаются и являются обязательными, но это не то, что «делает их конвенциональными в этом простом смысле» [7:31-32]. Чтобы решающая проблема координации речевая конвенция широко распространилась, следующие ей люди должны надежно идентифицировать друг друга, как это происходит с носителями того или иного естественного языка. При этом повторяющиеся речевые паттерны должны быть не просто обменом дескрипциями, а полноценными речевыми актами, частью полноценного практического взаимодействия. Например, услышавший просьбу о помощи должен не только поверить, что другой в беде, но и реально попытаться оказать ему помощь [8:29].

Одна из важнейших проблем, в контексте которой обсуждается понятие конвенции, заключается в объяснении сущности социальных институтов и норм. Так, Войтех Захник утверждает, что социальные институты, понимаются ли они как совокупность правил или как состояния равновесия в теории игр, не могут быть сведены к конвенциям, потому что в первом случае не объясняется нормативная составляющая правил, а во втором не объясняется основание выбора между альтернативными вариантами равновесия [9]. С другой стороны, Марцин Матчак утверждает, что конвенционализм в принципе может объяснить нормативность закона. Он черпает эту идею у Герберта Харта, который, в свою очередь, был вдохновлен Льюисом, о чем пишет в Послесловии ко 2-му изданию «Понятия права» (1994). Согласно Матчаку, этот проект оказался не вполне удачным, потому что Харт склонялся к конвенционализму Льюиса, а нужно было опереться на идеи Милликэн [10].

Точка зрения Матчака отличается от позиции И.Ф. Девятко, считающей невозможным построить теорию социальных норм ни на основе конвенционализма Льюиса, ни, судя по всему, на основе какого-либо конвенционализма вообще. Она пишет, что конвенции не содержат в себе деонтического ядра, а следовательно, социальные нормы невозможно редуцировать к конвенциям в принципе [11, 12]. При этом теорию Харта она интерпретирует на основе 1-го издания «Понятия права» (1961), в котором не упоминаются конвенции и речь идет о первичных и вторичных правилах. Несмотря на то что правила отличаются от конвенций и концепция Харта объясняет, как правила используются при применении санкций, она «все еще не объясняет, почему люди рассматривают именно эти правила как достаточные основания в процессе такого оправдания

санкций» [12:19]. Поэтому, согласно Деятко, следует обратиться к другим способам обоснования нравственности. Например, Ганс Кельзен в «Чистом учении о праве» (1960) опирается на кантианское различие между должным и сущим и утверждает, что норма может быть выведена только из другой, так называемой основной нормы, обязывающий характер которой дается сознанию непосредственно. Долженствование является не только субъективным, но и воспринимаемым со стороны объективным смыслом человеческого действия, соответствующего норме [13], т.е. кантианское различие между нормативным поступком и соответствующим ему поступком можно исследовать эмпирически. Поэтому Деятко делает вывод, что наука о нормах не может быть сведена к изучению фактического поведения и необходимо применять специальные методы, направленные на выявление в человеческих поступках «объективного нормативного измерения» [12:25].

Брайан Скирмс на основе идей Льюиса развивает концепцию *эволюционных сигнальных игр* [14]. Скирмс обсуждает вопрос об источнике языковых конвенций. Как возникают и почему сохраняются языковые конвенции? Описанную Льюисом модель коммуникации, в которой отправитель определенным дискретным образом сигнализирует о наблюдаемых дискретных ситуациях, а получатель реагирует на сигнал некоторым дискретным образом, Скирмс называет сигнальными играми. Как возникают и поддерживаются состояния равновесия, называемые Льюисом сигнальными системами? Как они образуются и как поддерживаются? Льюис предполагает наличие общего знания о типичном употреблении знаков другими людьми, но не объясняет, откуда оно берется. Скирмс предлагает биологическую эволюционную модель достижения равновесия, являющегося сигнальной системой. Сигнальные конвенции, согласно Скирмсу, возникают в качестве эволюционно стабильных стратегий поведения, и это объясняет стабильность равновесия сигнальной системы «в отсутствие общего знания или какого-либо знания вообще!» [13:95]. В ряде последующих исследований [15-17] эволюционная динамика сигнальных игр проверялась экспериментально, и общий вывод заключается в том, что эти игры в малых группах действительно могут приводить к возникновению конвенций. Рональд Плэнер и Питер Годфри-Смит утверждают, что модель сигнальных игр Льюиса «не только очень полезна в качестве основы для моделирования; она способствует новому взгляду на природу самой коммуникации, а также на природу семантических и репрезентативных свойств [18:2].

Бруно Челано [19] анализирует семантическое поле слова «конвенция» и показывает, что в европейских языках оно подразумевает, во-первых, некое явное или неявное соглашение, а во-вторых, произвольность этого соглашения в том смысле, что оно могло бы быть и другим. При этом в основе и явных, и неявных соглашений могут лежать рациональные рассуждения, но их может и не быть. Конвенции по Льюису – это в основном неявные рациональные соглашения. Сам же Челано обосновывает понятие *пре-конвенций*, под которыми понимает неявные «как бы соглашения», не основанные на рациональных

рассуждениях. Их примерами являются воплощенные схемы поведения, техники тела, навыки движения, такие воплощенные нормативные диспозиции, как стиль и вкус. Как справедливо пишет Челано, определения конвенции, построенные по образцу Льюиса, предполагают само собой разумеющееся распознавание участниками конвенции некоторых повторяющихся ситуаций и форм поведения, создающих регулярность R, но проблема заключается в том, чтобы объяснить способность людей распознавать эти ситуации и формы поведения в качестве принадлежащих тому или иному типу. Челано считает, что эта категоризация ситуаций и поведения может частично происходить на основе врожденных схем, присущих всем людям, но частично она является пре-конвенциональной [19:21].

КОНВЕНЦИИ И ГРАММАТИКА ПОВЕДЕНИЯ

Понятие *грамматики поведения* ввели в 1977 году преподаватели Московско-тартуской семиотической школы С.Т. Золян и И.А. Чернов, которые ориентировались на идею порождающей грамматики Ноама Хомского. «В системе культуры функционируют многочисленные тексты, экстраполирующие и эксплицирующие компетенцию социума (система норм и запретов). Механизм, порождающий такие тексты, назовем грамматикой. В принципе, наверное, возможно построение двух типов грамматик – нормоустанавливающих, функционально направленных на выполнение правил, и грамматик, ориентированных дисфункционально, описывающих поведение через нарушение правил» [20:155]. В современной литературе это понятие обычно определяется более просто – как *совокупность неявных правил поведения, специфических для некоторого общества или культуры*. Примером является книга Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами», в которой она описывает около 250 таких неписанных и непроговариваемых правил поведения, общих для всех англичан – «неофициальных поведенческих кодов, независимых от классовых, возрастных, половых, региональных, субкультурных и других социальных границ» [21:7].

Подобно правилам естественных языков, специфические для той или иной культуры неявные правила поведения могут быть объяснены как конвенции. Но какая из концепций конвенциональности подходит для этого наилучшим образом? Какие возражения вызывает в этом контексте понятие конвенции Льюиса?

Одна из основных проблем с пониманием повседневного поведения и повседневной речи как основанных на конвенции по Льюису – это проблема определения *регулярностей R и R'*. Льюис считает настолько само собой разумеющимся понятие регулярной повторяемости, регулярности, что даже не обсуждает его (хотя обсуждает почти все остальные используемые им понятия). А ведь это понятие предполагает сходство между поведением различных людей или между поведением одного и того же человека в различных обстоятельствах или в различные моменты времени. Видимо, Льюис это не обсуждает по той причине, что опирается на теорию игр. А в теории игр заложено на самом базовом уровне, что существуют варианты выбора, т.е. некоторые формы поведения, между

которыми игроки выбирают. Проблема того, насколько реальные формы, обобщающие индивидуальное поведение, снимаются с самого начала. Если бы мы не могли говорить о дискретных формах сходного поведения и их выборе, не было бы теории игр в том виде, в котором она сегодня существует.

Однако в большинстве реальных случаев люди не определяют того, что делают, не определяют явным образом форм выбираемого поведения, так же как не определяют явным образом большинство ситуаций, в которых такой выбор происходит. Определения (или объяснения) делаются обычно, когда что-то пошло не так и кто-то (например, ребенок или иностранец, или недовольный клиент, студент и т.п.) потребовал объяснений. Определения и объяснения обычно изобретаются *ad hoc* (в случае с ребенком или иностранцем) или заготавливаются впрок и хранятся в файлах (в случае со студентом или клиентом), но даже в последнем случае они редко применяются на практике, потому что на практике в большинстве случаев мы следуем неявным определениям и критериям правильности поведения. И это хорошо отражено у позднего Людвиг Витгенштейна и Сола Криппе: дело не в определении (интерпретации) и не в факте, на который можно указать, а в реальном следовании правилу, наблюдая за которым эксперт может сказать, что он поступил бы так же [22].

Льюис полагает, что языковые и другие конвенции возникают на основе предпочтений некоторых людей, основанных на знании того, что другие понимают язык и мир в целом так же, как и они, и т.д. Но возможно, что почти каждый носитель языка, употребляя его, имеет в виду некое собственное уникальное значение, что не мешает возникновению в ходе коммуникации иллюзии понимания, которая в некотором смысле приводит к истинному пониманию. То же самое можно сказать и о поведении в целом: не очень важно, как понимают ситуации и правила поведения различные участники взаимодействия, так как какое-то взаимодействие и какой-то результат все равно будут достигнуты и задним числом все будет выглядеть так, как если бы участники заранее предполагали, по каким правилам действуют они сами и их партнеры, и т.п. Здравый смысл каждого из участников основан на том, что у других участников здравый смысл тот же самый. Даже если это не так, это будет выясняться в ходе взаимодействия, а для начала достаточно любого понимания, которое кажется само собой разумеющимся. В итоге все равно что-нибудь да получится. Большинство теоретиков игр предполагают, что условием успешного взаимодействия должно быть некоторое предварительное взаимное правильное понимание партнерами друг друга. Действительно, люди – это не замкнутые монады, и некоторый уровень понимания всегда уже имеет место. Но правильного и глубокого понимания не требуется, чтобы взаимодействие было успешным. Достаточно лишь иллюзии понимания. С этой точки зрения можно сказать, что конвенции, о которых пишет Льюис, – это достаточно редкое явление. В реальности большая часть взаимодействия происходит как-то иначе. Правила культуры – это что-то иное, чем конвенции Льюиса, предполагающие более-менее полное и правильное взаимное понимание

участников процесса. В том, что касается языка, можно начать говорить и понимать друг друга, говоря с очень большими ошибками, как это делают дети и иностранцы, и, когда процесс происходит постепенно, в ходе взаимной имитации, формируется что-то вроде правил. Происходит креолизация, возникает креольский язык на основе пиджина. Так и со всеми другими правилами взаимодействия. Люди могут делать все что угодно, совершать какие угодно ошибки, но постепенно вырабатываются более-менее общие типичные формы поведения, употребление которых в ситуациях, которые распознаются как типичные, и есть правила грамматики поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Льюис определяет конвенцию таким образом, что предполагается осознание и явное определение регулярностей, предпочтений и вариантов выбора. Но в реальной повседневной жизни большинство предпочтений и определений, лежащих в основе выбора поведения, остаются неосознаваемыми, а если и осознаются, то почти никогда не определяются. Люди просто предполагают, что большинство других смотрят на мир, имеют предпочтения и ведут себя так же, как и они сами.

Идею конвенциональности языка и поведения можно использовать для объяснения грамматики поведения, лишь если дополнить ее пониманием того, что человек может реагировать на ситуацию, которая *кажется* ему типичной, *похожа* на типичную, *напоминает* типичную ситуацию, и он реагирует на нее поведением, *похожим* на типичное поведение, *напоминающим* типичное. Кроме того, реальные естественные знаки всегда «плохо определены», потому что одновременно соотносятся с *несколькими* предполагаемыми типами ситуаций и поведения. При этом возможно – и это один из источников недоразумений, но также и источник креативности, появления новых смыслов, – что разные люди воспринимают одну и ту же конкретную ситуацию, одно и то же конкретное поведение как проявление разных типов.

Итак, реальные языковые и культурные конвенции возможны лишь на основе размытости границ языковых категорий, неоднозначности знаков. Реалистичная теория конвенций должна предполагать, что у представителей популяции, в которой поддерживается конвенция, сигнальные системы, языки, представления о возможных ситуациях и вариантах поведения совпадают лишь частично, что не препятствует ни коммуникации, ни другому скоординированному поведению.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Lewis D. *Convention: A Philosophical Study*. Harvard University Press, 1969. Reissued by Blackwell Publishers, 2002. ISBN 978-0-63 1-23256-8
2. Serikov A. The Grammar of Behavior as a Theoretical Notion. *Technology and Language*. 2021;2(4):12-28. doi: 10.48417/technolang.2021.04.02

3. Schelling TC. *The Strategy of Conflict*. Trans. from English. M., 2007. (In Russ.). [Шеллинг Т. *Стратегия конфликта*. Пер. с англ. М., 2007]. ISBN 978-5-91066-004-9
4. Stenius E. Mood and language-game. *Synthese*. 1967;17:254-274. doi: 10.1007/BF00485030
5. Lewis D. *Languages and Language*. In: Gunderson K. (ed.), *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. University of Minnesota Press, 1975:3-35.
6. Millikan RG. Language Conventions Made Simple. *The Journal of Philosophy*. 1998;95(4):161-180. doi: 10.2307/2564683
7. Millikan RG. *Deflating Socially Constructed Objects: What Thoughts Do to the World*. In: *Perspectives on Social Ontology and Social Cognition*. Dordrecht: Springer, 2014. doi: 10.1007/978-94-017-9147-2_3
8. Millikan RG. *Beyond Concepts: Unicepts, Language, and Natural Information*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2017. ISBN 978-0-19-871719-59
9. Zachnik V. When and why Conventions cannot Be Social Institutions. *Philosophia*. 2020;48:1235-1254. doi: 10.1007/s11406-019-00125-0
10. Matczak M. Ruth G. Millikan's conventionalism and law. *Legal Theory*. 2022;28(2):146-178. doi: 10.1017/S1352325222000064
11. Deviatko IF. Social Norms: From Attempts of Definition Towards New Theoretical Questions and Theories of Normativity. *Sociological Studies*. 2016;12:35-43. (In Russ.). [Девятко И.Ф. Социальные нормы: от попыток определения к новым типам теоретических вопросов и теорий нормативного. *Социологические исследования*. 2016;12:35-43].
12. *Norms and morality in sociological theory: from classical conceptions to new ideas*. Eds. by I.F. Deviatko, R.N. Abramov, I.V. Katernyi. M., 2017. (In Russ.). [Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. М., 2017].
13. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Transl. from German. SPb., 2015. (In Russ.). [Кельзен Г. *Чистое учение о праве*. Пер. с нем. СПб., 2015]. ISBN 978-5-905966-54-5
14. Skyrms B. *Evolution of the social contract*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. doi: 10.1017/CBO9781139924825
15. Bruner J, O'Connor C, Rubin H, Huttegger SM. David Lewis in the lab: experimental results on the emergence of meaning. *Synthese*. 2018;195(2):603-621. doi: 10.1007/s11229-014-0535-x
16. Rubin H, O'Connor C, Bruner J. *Experimental Economics for Philosophers*. In: *Methodological Advances in Experimental Philosophy*. London, 2019:175-206. doi: 10.5040/9781350069022.ch-007
17. Cochran CT, Barrett JA. How signaling conventions are established. *Synthese*. 2021;199:4367-4391. doi: 10.1007/s11229-020-02982-9
18. Planer RJ, Godfrey-Smith P. Communication and representation understood as sender–receiver coordination. *Mind & Language*. 2021;36:750-770. doi: 10.1111/mila.12293
19. Celano B. *Pre-conventions. A Fragment of the Background*. In: *Legal Conventionalism*. Cham: Springer, 2019. doi: 10.1007/978-3-030-03571-6_2
20. Zolyan ST, Chernov IA. About the Structure of the Language of Behaviour Description. *Σημειωτική – Sign Systems Studies*. 1977;8(1):151-163. (In Russ.). [Золян С.Т., Чернов И.А. О структуре языка описания поведения. *Σημειωτική – Труды по знаковым системам*. 1977;8(1):151-163].
21. Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder, 2014. ISBN 978-1-444-78520-3
22. Serikov A. *Wittgenstein's rule-following problem*. In: *L. Wittgenstein: pro et contra. The personality and heritage of L. Wittgenstein in the assessments of Russian researchers: an anthology*. SPb., 2019. (In Russ.). [Сериков А.Е. *Проблема следования правилу у Витгенштейна*. В кн.: Л. Витгенштейн: pro et contra. Личность и наследие Л. Витгенштейна в оценках российских исследователей: антология. СПб., 2019:873-884]. ISBN 978-5-88812-840-4

■ Автор для переписки

Сериков Андрей Евгеньевич
 Адрес: Самарский университет, Московское шоссе, 34,
 г. Самара, Россия, 443086.

■ Corresponding Author

Andrei E. Serikov
 Address: Samara National Research University,
 34 Moskovskoe Shosse, Samara, Russia, 443086.

E-mail: aeserikov@mail.ru